

АНАТОЛИЙ РОГОВ

КИТАЙСКАЯ ВАЗА

РАССКАЗ

В ней было что-то настороженное, в этой новенькой. Она и сидела всегда подавшись вперёд, и часто вытягивала в трубочку пухлые губы, будто хотела сказать: “О-о-о!..” Лицо у неё было мягкое, с мягким овалом и казалось очень белым — наверное, из-за чёрных, как вар, волос.

“Только зря она так причёсывается, — подумал Шатов. — Прилизалась, доисторический валик на затылке соорудила... Вездесущий Мишка Трошин говорит, что её зовут Дарья, а фамилия Северина. Интересно, почему она в институт в ноябре пришла? Откуда перевелась?..”

После лекции, в коридоре у окна, он, улыбаясь, спрашивал её:

— Неужели не помните? На Малой арене, в Лужниках. Вы справа от меня сидели...

От заиндевелого синеватого окна тянуло жёстким холодом. Северина зябко поёжилась, сунула сжатые кулаки в карманы серой просторной кофты, потянула их вниз. Смотрела Николаю в грудь, на белые ёлочки, разделявшие его тёмно-синий свитер пополам.

— Ну в июле, на художественном плавании. Помните?

— Я приехала в ноябре. Я жила и училась в Челябинске...

Северина сказала это очень тихо, потом неожиданно густо покраснела и на мгновение подняла на Николая большие зелёные глаза, и эти глаза сму-

---

РОГОВ Анатолий Петрович родился в 1928 году в Москве. Известный искусствовед, знаток древнерусской иконописи и русской живописи. Давний автор нашего журнала. Его статьи из рубрики “Среди русских художников” неоднократно печатались в “Нашем современнике”. Член Союза художников и Союза писателей России. Живет в Москве.

щённо, укоризненно спросили: “Вам не стыдно? Не стыдно так примитивно знакомиться?”

Получилось, что она смутилась за него, за Николая, и от этого ему вдруг сделалось не по себе. Он замялся, почувствовал противную скованность, разозлился на себя и, не зная, что сказать дальше, умолк. Впервые в жизни умолк нелепо и постыдно.

А Северина постояла немного, вымолвила непонятное “Вот!” и, не поднимая головы, торопливо ушла по коридору.

Сзади крикнул Мишка Трошин; оказывается, несколько ребят всё видели и слышали, и теперь Мишка многозначительно констатировал:

— Братцы, SOS! Она — ушла!.. Такого в биографии Коли Шатова ещё не бывало... Бедные, бедные девушки, они ещё не знают, как вдруг искалечил их кумира металлургического институт!.. И это на третьем курсе. Что же будет дальше-то, Коля?!

Мишка постоянно подтрунивал над Шатовым, но тот не обижался. Наверное, потому, что в душе подозревал приятеля в лёгкой зависти: Трошин был маленький, курносый, суетливый, а Шатов — высокий, с красивым подвижным лицом и серыми глазами, смотревшими на мир и людей легко и весело. Он знал, что нравится девочкам, всегда был с ними мил — он со всеми был мил и прост. Увлекался высшей математикой, физикой, немного теннисом, всюду баскетболом и часто говорил, что “всё остальное в наш век — жидкая лирика, что инженер сегодня должен знать слишком много — у него нет времени на пустяки...” А если при нём всё же заходила речь о душе человеческой, об искусстве или о чём-нибудь действительно связанном с лирикой, с поэзией, Николай в подобных разговорах никогда не участвовал — или демонстративно ото всех отдалялся. Считал, что всерьёз этим увлекаются лишь люди с завихрениями в мозгах да те, кому не повезло со здоровьем. “Кибернетика и интегралы для них слишком сложны!”

На курсе к Севериной присмотрелись быстро, привыкли ещё быстрее и заглазно, с чьей-то лёгкой руки, стали называть “Серой”. Прозвище считалось удачным: Северина чаще всего носила дымчатую серую кофту, была до удивления скромна, сидела всегда за одним и тем же столом, в перерывах стояла у одного и того же окна, в разговорах больше молчала, задумчиво улыбалась, а если и говорила, только тихо. Она и ходила неслышно, умудряясь в дверях пропускать впереди себя даже парней. И лишь несколько девчат отыскивали в Севериной какие-то душевные достоинства и сблизились с ней.

Правда, в сессию она всех удивила: получила одни пятерки, а по математике ещё и с плюсом. Но об этом почему-то быстро забыли.

Шатов же избегал Северину. Избегал потому, что иногда один её вид будил в нём воспоминание о том нелепом разговоре, он снова ощущал неловкость и стыдился себя. Он и не общался с ней. А раз, когда кто-то из девчат сказал, что Северина милая и ребята ничего в ней не понимают, он саркастически ухмыльнулся, и процедил своё любимое:

— Жидкая лирика!

Стоял февраль.

Шатов как-то пришёл в институт раньше обычного и в аудитории увидел Северину. Она сидела сгорбившись, обхватив лицо руками — старалась сдерживать мучивший её кашель. Но кашель не прекращался, она вздрагивала всем телом, всё крепче прижимая ко лбу побелевшие пальцы. Наконец затихла, медленно провела ладонями по покрасневшему лицу, открыла глаза.

— Здравствуй, Шагов! Я ждала тебя...

Кто-то сказал ей, что у него самые полные конспекты по высшей математике.

Шатов отдал тетради, поинтересовался, не больна ли она? Северина махнула рукой:

— Пустяки!

А недели через две, когда нужно было готовиться к реферату, Николаю волей-неволей пришлось узнавать в канцелярии её адрес: конспекты Северина не вернула и в институт не ходила — действительно заболела.

В субботу, в восемь часов вечера он позвонил в пятую квартиру старинного дома на одной из улиц у Чистых прудов. Дверь открыла полная пожилая женщина в переднике. Ласково улыбнулась, спросила, к кому он, пропустила в тесную прихожую, заставленную вешалками.

— Подождите, Даша сейчас...

И протянула руки, чтобы помочь Николаю снять пальто. Тронутый её заботливостью, он смущённо поблагодарил, разделся сам, невольно раздражаясь, что приходится тут задерживаться. Женщина ввела его в продолговатую комнату, похожую больше на библиотеку, чем на жилое помещение, сказала: “Это её комната. Посидите!”, и ушла. Шатов огляделся: лёгкие некрашенные стеллажи, возвышавшиеся вдоль двух стен, были плотно заставлены книгами. Книги лежали и на письменном столе у окна, и даже на стуле, затиснутом между столом и кушеткой. А над кушеткой висели два небольших пейзажа на холстах без рам и выразительная деревянная головка чёрта. Николай прошёлся по комнате, зачем-то потрогал стойки стеллажа, прочёл несколько незнакомых имён на корешках книг, подумал: “Неужели всё это её?..” Обилие книг поразило его. И пейзажи, и чёрт, — он никак не мог представить, что здесь живёт девушка — обстановка была слишком мужской. И пахло здесь только книгами.

Пискнула дверь. Шатов обернулся, увидел Северину и в первое мгновение даже не узнал её. Она была в сиреновом домашнем платье и то ли похудела за эти дни, то ли платье очень шло ей, но выглядела она лучше обычного. Улыбаясь, подала Шатову руку.

— Здравствуй! Извини, я была занята...

Замешкавшись, Николай чуточку придержал в своей ладони её тёплую мягкую руку и вдруг ощутил уже знакомую неловкость. Насупился, полез в карман за сигаретой, достав, принялся крутить её.

— Я к тебе на минутку, за конспектами.

Северина ойкнула, стала извиняться.

— Прости, я забыла! Сейчас...

Присела на корточки, стала рыться в тетрадах, лежавших на книгах на нижней полке.

— Садись, можешь курить.

Шатов сел к столу, закурил, и, искоса поглядывая на Северину, с любопытством отметил, что даже волосы у неё были убраны по-новому, в длинную толстую косу. Спросил, чем она болела.

— Плеврит. — Северина улыбнулась. — Осложнение.

Николай огляделся, ища глазами пепельницу, но увидел чуть ли не посреди письменного стола большой ломоть заплесневелого ржаного хлеба, на котором лежала яичная скорлупа с отбитым верхом и заскорузлыми жёлтыми подтёками по краям. Ему стало не по себе. Он потушился, машинально принохиваясь, не пахнет ли плесенью. А через секунду поднялся.

— Мне нужно уходить!

И, глянув на стол, опять невольно потянул носом воздух. Северина, оказывается, наблюдала за ним; она поднялась, улыбаясь, подошла к столу.

— Это пепельница, Николай! — Она передвинула заплесневелый ломоть на край стола.

Не поверив, Шатов боязливо дотронулся до хлеба: тот был твёрд, как камень, и скорлупа не отделялась от его ноздреватой серо-зелёной поверхности.

— Правда здорово? Это китайское. Хлеб сделан из берцовой кости мамонта, а яйцо — из бивня.

Шатов опустился на стул, придвинул к себе пепельницу, склонился над ней. Он был поражён — он никогда не видел ничего подобного. Ощупывал, вертел эту диковинку и думал о том, видит или не видит Северина его удивление.

Но она отошла к кушетке, забралась на неё с ногами.

— Я очень люблю эту штуку. Дедушка говорит, ей лет двести — двести пятьдесят...

Николай поднял глаза. Северина сидела, подобрав под себя ноги, спря-

тав руки в широкие рукава платья, чутьчку откинута назад голова касалась затылком стены. Улыбнулась ему, и он впервые увидел, что улыбка у неё не задумчиво-отрешённая, а такая же мягкая, как вся она, и очень добрая.

— Ты извини!.. Я люблю сидеть так.

— Ничего, ничего, — сказал Шатов и взял в руки пепельницу. — И корка и мякиш как настоящие... Умеют китайцы.

— Да.

Помолчали. Заговорили об институте, Николай стал рассказывать ей о ребятах-сокурсниках, увлёкся. Говорил, поглядывая в окно, за которым кружила невесть откуда налетевшая вдруг метель. Белые сырые хлопья снега выскакивали из чёрной мглы и, словно обрадовавшись свету, прилипали к оконному стеклу, медленно сползали по нему вниз. На карнизе уже вырос снежный бугор, а Николай всё рассказывал, не замечая того, что даже тень неловкости, бывшая между ними, исчезла без следа.

Северина слушала, не перебивая, придвинувшись к столу, облокотившись на валик и, почти не мигая, смотрела на Шатова, слегка кивая головой в такт его словам. В квартире было тихо.

Но вот в дверь постучали, и в комнату заглянула та же полная женщина.

— Дарьюшка, пора ужинать!

Шатов глянул на часы, вскочил — было двадцать пять десятого.

— Я пошёл! Ты уж...

— Может, выпьёшь чаю? — негромко, радушно предложила Северина. Она тоже поднялась, посмотрела в окно и, просительно сложив у груди руки, добавила: — Серьёзно, пережди метель.

И он остался.

Чай пили в небольшой столовой, освещённой матово-зелёным светом торшера, стоявшего у стены между двух мягких кресел. В столовой вкусно пахло печеньем, вином, свежей скатертью, и было так уютно, что хотелось молчать. И они помолчали. Северина склонилась над чашкой, еле приметно улыбаясь каким-то своим мыслям, а Николай исподволь наблюдал за ней и соображал: что же изменилось в ней сегодня, почему она другая?.. Но так и не сообразил. Убоявшись, что Северина перехватит его взгляды, принялся рассматривать костяные замысловатые китайские фигурки, шары и строгоньща, стоявшие и лежавшие в застеклённом шкафу за креслами. Силится понять, зачем они здесь, зачем вообще существуют? “Пепельница — вещь. Утилитарная, необходимая вещь, — говорил себе. — А эти для чего? Для чего они нужны хозяевам дома? Ведь наверняка стоили огромнейших денег”. Вспомнил, что видел похожие фигурки в музее восточных искусств, в котором был ещё в восьмом классе на экскурсии. Сказал об этом Севериной.

— Понравилось?

Как удержался и не ляпнул уже сорвавшееся было с губ своё “жидкая лирика”, не ведает. Не ляпнул.

А Северина поднялась, подошла к торшеру, на полочке которого стояла невысокая пустая, простенькая на вид ваза.

— Смотри!

И повернула вазу. И та из палево-голубой превратилась в зеленую, затем в бурую. Николай тоже подошёл к торшеру, осторожно, одними пальцами двинул вазу, потом стал вертеть, и она менялась и менялась в цвете: то была молочно-зелёной, то синей, то дымчато-серой, то, наконец, почти оранжевой, горячей. Ничего не понимая, Шатов спросил:

— Что это?

— Нравится? Это такой обжиг. Ваза пламенеющей глазури времён императора Цянь-лун.

Сказала об этом так, словно говорила о чём-то очень обыденном и хорошо знакомом. Николай подумал: “Неужели знает?” Погладил скользкую стенку вазы, и, почувствовав ласковый холодок фарфора, отметил про себя, что на вид она не кажется такой холодной. А разглядев чистую паутину тонких седых трещинок, избородивших вазу, заметил:

— Старая, даже потрескалась.

Северина отрицательно покрутила головой.

— Это не трещинки, это цек — тоже фокус обжига. Китайцы делали его специально, для красоты.

Она опустилась в кресло рядом с торшером и спросила:

— Тебе нравится китайское искусство?

Шатов снова хотел сказать и сказал бы “Нет!”, если бы не заметил, что Северина немного раскраснелась, губы вытянулись в трубочку, а глаза светились таким напряжённым ожиданием, точно должно было свершиться что-то очень-очень важное. И он пробормотал:

— Я не знаю его...

Она широко улыбнулась и по-детски восторженно объявила:

— А я люблю! Очень! Люблю лак, цинский фарфор, розовое семейство, зелёное... Ты знаешь их?

— Откуда?

И тогда Северина начала рассказывать о китайском фарфоре, о его родине — маленьком городке с длинным мудрёным названием, об императорских династиях, имена которых увековечены в фарфоре, потому что его изготовление было их главной заботой.

Шатов никогда ничего не читал и не слышал об этом и теперь сидел притихший, ошарашенный, удивляясь, что ему интересно всё это и с каждой минутой становится ещё интересней. А Северина поднялась и ходила по комнате возбуждённая и опять не похожая на себя. Глаза её сузились и порой, когда она останавливалась, глядели так, будто видели и тех синих с золотом драконов, какими расписывали вазы в Юаньский период, и те причудливые, фантастические чаши, фигурки богов и зверей, которых изготавливали китайские мастера. Её лицо без конца менялось: то светилось мягкой улыбкой, то суровело, то вдруг сникало. И даже руки её не находили покоя; она жестикувала, показывая Николаю то форму вазы, то рисуя в воздухе орнамент. И всё время спрашивала: “Ты представляешь?” “Да!” — отвечал Шатов, забыв о том, где он, с кем, сколько сейчас времени. Он курил, слушал Северину, иногда машинально соображал: “Вот сейчас она отойдёт к той стене, к серванту, на её лицо ляжет тень, и оно станет прозрачно-зелёным, приятным-приятным, почти сказочным. Затем она подойдёт, он увидит румянец на её щеках, увидит слегка выпяченные, но совсем не смешные, а очень симпатичные губы, увидит её тёплые глаза. И всё получалось так, как он думал.

Потом Северина показывала ему резной камень нефрит, шкатулки из чёрного лака, ещё какие-то вещи, которые доставала из шкафчика за дверью. И опять рассказывала, но уже о китайской резьбе, о живописи. И Шатову опять было страшно интересно слушать её.

А метель улеглась. За окном по тёмно-синему небу плыли рваные чёрные облака. По стеклу ползали жёлтые блики — под окном ветер раскачивал уличный фонарь.

Наконец Северина умолкла, посмотрела на Шатова и смешно сказала:

— Вот...

Николай улыбнулся. А она спрятала руки в рукава, склонила голову, задумалась. Откуда-то донеслись голоса, еле слышный бой часов. Николай стал считать удары, но не досчитал; ему вдруг захотелось печенья — оно лежало в вазочке на столе. Он подошёл к столу, постоял, но к печенью так и не притронулся — забыл о нём. Мысли были о китайских мастерах, о вазе. Шатов посмотрел на неё, и то ли от того, что она снова изменила свой цвет, то ли ещё от чего, но он увидел в ней что-то новое, невыразимо красивое, захватывающее. Он испытывал настоящее физическое удовольствие от её формы, от её мягкого бархатистого блеска, от молочной прозрачности её стенок...

Ушёл он от Севериной в первом часу ночи. На улице подморозило, снег искрился холодными синими блёстками и громко скрипел. По звёздному небу бежали маленькие облачка, бежали торопливо, словно хотели скрыться от кого-то.

Вдалеке жалобно, просяще кричал гудок.

Шатов брёл по пустынным улицам в таком состоянии, какое бывало у него только в детстве, когда бабушка кончала нащёптывать сказку и велела

ему спать; ведь вот, только что было нечто яркое, как счастье, и вдруг нет его... Бабушка давно умерла, с ней, казалось, умерло и это состояние. Но сегодня оказалось, что оно живо...

Николай задержался у фонаря закурил и улыбнулся: вспомнилось, как Северина ответила на его вопрос, откуда у них столько Китая. “Ваза и всё остальное — дедушкино. Он когда-то жил в Китае”. А когда Николай спросил, кем был дедушка, сказала: “Металлург. И папа тоже металлург, он сейчас в Индии. — Помолчала и добавила: — У нас все металлурги”.

Погода опять портилась. Завыл, загрохотал крышами ветер, Николай поднял воротник, заторопился, и неожиданно в его сознании всплыла первая встреча с Севериной, глупый разговор в коридоре. Он усмехнулся. Казалось, это было давно-давно. На мгновение даже закралось сомнение: а было ли?..

А минут через десять Шатов обнаружил, что думает только о том, как попасть к Севериной ещё раз. “Зачем? — спросил он себя и ответил: — Так просто, просто так...”